

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

СУББОТА, 2 НОЯБРЯ 1935
SAMEDI, 2 NOVEMBRE 1935

НОМЕРЪ
ВО ФРАНЦИИ **50** САНТ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES" Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO
EN FRANCE **50** cent.

СУББОТА, 2 НОЯБРЯ 1935
SAMEDI, 2 NOVEMBRE 1935

№ 5336

16^e
ANNEE
306

ABONNEMENT AUX « DERNIERES NOUVELLES »
(partant du 1er et 16 de chaque mois)
ПОДПИСКА НА « ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ »
(сч. 1-го и 16-го числа мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France . . .	14	40	75	145
За-границей . . . Etranger . . .	25	70	135	265

Перенѣна адреса — 1 фр. Changement d'adresse — 1 fr

Подписка принимается въ Конторѣ газетъ
и въ емоудѣленіяхъ, а также по почте по
будженіямъ.
Цѣна: Въ Парижѣ и провинціи — 50 сант.
За-границей — 90 сант.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газетъ.

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION
Адресъ Конторы и Редакціи
81, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro : Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal
et dans tous les Bureaux de Poste
Le numéro: Paris et Départements — 50 c.
Etranger — 90 cent.
Annonces : aux Bureaux du Journal

Телефонъ редакціи . . . TURBIGO 81-52
" конторы . . . ARCHIVES 85-00
" отд. объявленій. TURBIGO 51-20, 51-21

Ночной телефонъ редакціи (послѣ 9 час. вечера):
PROVENCE 78-17

Телеграфный адресъ. Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 03

№ 5336

16-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
306

С л о в а

Мы все знаем опасность слов. Они увлекают по своему течению, и если их не контролировать, можно прийти к самым неожиданным берегам. Юридическая практика давно старается не придавать решающего значения словам свидетелей, которые могут дать противоположные описания одного и того же события. Официально-дипломатическое искусство слов достигает истинной виртуозности. Мы читали однажды, что бомбардировка города имела целью «обеспечить благополучие» населения: для тех жителей, которые при этой бомбардировке погибли, благополучие было, действительно, обеспечено раз навсегда.

Ни для кого слово не таит такой опасности, как для «плавающих и путешествующих». Быть в стране, о которой никто толком ничего не знает, и иметь право, «из дальних странствий возвратясь», сказать о ней все, что угодно, — какой соблазн! Недаром «большой репортаж» становится теперь самым увлекательным ремеслом. Путешествие вокруг света можно, таким образом, совершить за четверть часа, просматривая описания путников с готовыми и всегда категорическими выводами.

Все это особенно сказывается в описаниях России. Другие страны все же читателю известны, и, главное, в суждениях о них надо считаться с общими логическими и моральными мерками. Вопрос о гитлеризме ясен самому читателю, разрываясь им в зависимости от личных вкусов. Для любителей животноводческого рвения «проклятых вопросов», мучивших человечество, гитлеровский метод останется наиболее влекущим. Сторонники «расовой» теории, всюду всегда существовавшие, не робеяли доводить своих принципов до конца, и если Гитлеру теперь удастся в течение достаточного времени провести свои методы разводки человечков, то будет порода, могущая заинтересовать среднего любителя коннозаводства.

Во всяком случае, гитлеризм ясен, и путешественнику остается лишь описывать, в зависимости от своих симпатий, те или иные его проявления. В известной степени понятны и другие страны, где можно почувствовать обозревателя. Если не при-

бегать к намеренному карикатурному приему романиста Беделя, автору приходится считаться, к тому же, со знакомством читателя с описываемыми странами, что, конечно, расхолаживает фантазию.

Не то в России, где все ново, неожиданно, никому неизвестно. Логических возражений быть не может, ибо с самого начала признано, что логика над Россией не властна. Не властна и мораль, ибо «славянская душа», как известно, движется собственными законами, и то, что европейцу смерть, русскому почти удовольствие. Русский, как давно установлено, мучительство претерпевает совсем с иным чувством, нежели обыкновенный человек; это новая европейская версия салтыковскаго «карась любить», чтобы его в сметане жарили. Что же удивительного, что, понавь в «страну чудес», европейские Алены ощущают необыкновенное вдохновение.

Чудом является уже то, что страну с многомиллионным населением и с необозримыми пространствами земли, обладающую всеми климатами и разнообразием народностей, можно осмотреть, даже не зная ее языка, в несколько дней и, самое большее, в несколько недель. И не только осмотреть, но даже иметь о ней окончательное, исчерпывающее и категорическое общее суждение. Это, конечно, главное чудо.

Правда, Нананъ Истрати пробыл в России больше года. Но зато он и не привез никакого подходящего мифа. Убрав с торжественным решением посвятить жизнь России и никогда в капиталистический мир не возвращаться, он вернулся в Европу с обвинениями большевистского строя, опустошенный и больной. Ирония нападки на него за это и завязавшаяся полемика с коммунистами носили мучительный характер, ибо травля писателя велась в предсмертные минуты, и, в доказательство своей правдивости, писатель сам ссылался на близкий свой конец.

Оставаться подолгу, конечно, рискованно, ибо первая ясность впечатлений может поколебаться. Главное, надо иметь руководящую мысль, которая поможет не обращать внимания на частности, и сосредоточиться только на общем впечатлении. Форма банкетной речи чрезвычайно удобна для таких высказываний.

Прежние путешественники от общих суждений о чужой стране вообще отказывались. Они ограничивались в большинстве случаев описанием виденных отдаленных явлений и собственных личных восприятий, не подводя их ни под какую решающую общую формулу. Видели же они на перекладных и, следовательно, поневоле вынуждены были оставаться подолгу. Теперь же выражение судить «с птичьего полета» стало реальностью для путешествующих в авионах. Ибо теперь, даже пролетав над чужой территорией, хочется все же высказать о ней суждение, и непременно общее, исчерпывающее.

Насколько такое суждение мѣшает живому восприятию, показывает чеховское путешествие на Сахалин. Предприняв мучительное и для его здоровья даже опасное путешествие на сахалинскую каторгу, Чехов задался целью быть беспристрастным работником, дающим общий вывод из виденного. Книга его потрясает, ибо тут чувствительный и нѣжный Чехов спокойно признает и телесные наказания, и цѣлесообразность распределения каторжных женщин, в вид живого инвентаря, среди наиболее заслуживших награду каторжан, и все время остается почти солидарен с тюремным начальством, которое дает ему нужные указания. Чехов только винит начальство в потворстве и слабости за то, что женщины не давали в особую трудную по климатическим условиям мѣста, тогда как, по мнѣнию Чехова, именно там женская работа была особенно нужна. С упорством статистика, он всюду помѣчает: скота столько-то, женщин столько-то, сопоставляя и критикуя эти цифры в интересах поселенческого хозяйства. Если сопоставить чеховское описание Сахалина со страницами толстовскаго «Воскресения», станет очевидным, как предвзятая «общая» мысль может изменить творческое восприятие даже такого писателя, как Чехов. Любопытно и то, что виденное на Сахалине никак не отразилось на художественном творчестве Чехова.

Чехов был уверен, что нормы человеческой жизни и нравственности, которыми были ему дороги, к каторжному миру Сахалина неприменимы, и допускал возможность особого, выделенного из общих нравственных требований куска человечества. Отсюда и жуткий иммунитет Чехов

к человеческим страданиям на Сахалине, который ограждал его от живого ощущения ужаса тамошней жизни. Записки из Мертвого дома и чеховский Сахалин, в этом смысле, являются двумя полюсами писательского отношения к действительности. Но Достоевский был героем описываемого мира, а Чехов оставался «беспристрастным» наблюдателем.

Европейские писатели, попадая в Россию, считают, подобно Чехову на Сахалин, что общия мерки там неприменимы. Поэтому они отворачиваются от случайно подмеченных досудков действительности, чтобы слѣдить за излагаемой вождями «общей мыслью». Вожди, скрывая бѣдствия русских людей, скромно приписывают себе доблесть и величие русского народа. Челюскинцы должны восхищать мир, но доблесть их народная, которой власть не могла побдѣть; для европейских же наблюдателей подвиг челюскинцев есть прямое слѣдствие сталинских рѣчей. Такая податковки очень помогают ясности «итогов». Крмакъ Тимофеевич явился бы в теперешнем «репортажѣ» прямым результатом благотѣлительных свойств опричинны. Русская история совершенно невѣдома европейским посетителям современной России, и это значительно облегчает задачу их официальных осѣдомителей.

Силы русского народа, действительно, неисчерпаемы, и его творческая воля неискоренима. Никакой вишней гнет никогда не мог окончательно подавить и остановить развитие русской национальной культуры. Вѣдь создан же великий русский театр на основах крѣпостничества, — и, конечно, современные путники вывели бы из таланта крѣпостных «Песни» заключение, что крѣпостное право есть истинное благодѣяние для народа. Смишеніе творческой силы народа и влияния дѣйствующей его руки заставляет теперешних посетителей приписывать большевикам даже старая явления русской культуры: сохранившиеся дворцы, музеи, театры. Вѣдь восхищались же один из путников тѣм, что русские при большевиках, наконец, выучились выдѣлывать фарфоровые тарелки.

Россия была ранѣе незнакома современным европейским писателям. Впервые увидѣвъ ее теперь, они приписывают новой властью все восхищающее их в русском народѣ.

Совершенно понятен путь, каким Анд-

ре Жидъ пришел в его позиции относительно России. Иерархизмъ новой России, где все слои населения распределены и создан новый класс капиталистического благополучного большинства, увлекает писателя, которому это благополучие небольшого меньшинства кажется всеобщимъ. Впрочем, принципъ иерархизма внутренне близокъ автору «Путешествія въ Конго», котораго плѣнило у туземцев именно ихъ признаніе господствующаго блага меньшинства.

У Романа Роллана давно наступившее внутреннее безразличіе позволяет заражаться любой чужою идеей. В свое время я писала объ этой его изумительной способности воспринимать чужую идею и передавать ее, оставаясь самому мертвенно безразличнымъ, съ убѣдительной для другихъ вишней страстностью. Такъ актеръ, мѣняя маски, каждый разъ вѣрять въ произносимыя слова. Но что ему Гекуба, и что онъ Гекуба? Романъ Ролланъ воспѣвалъ Ганди, несколько не участвуя въ движеніи индусовъ. Онъ съ той же убѣдительностью передавалъ и мысли Толстого, какъ будто бы рѣшилъ стать толстовцемъ. Теперь очередною Гекубою сталъ для него Сталинъ.

Внутренняя мертвенность всегда покрывается вишнимъ преувеличиваніемъ. Давно известно, что въ «пустые дни», когда актеръ чувствуетъ недостатокъ вдохновенія, онъ ищетъ спасенія въ трюкахъ, подчеркиваніяхъ, и отъ этого переигрываетъ. У Романа Роллана всѣ дни пусты, и переигрываетъ онъ сталъ все чаще. Въ статьѣ, помѣщенной въ «Коммунѣ» и перепечатанной въ «Правдѣ», онъ описываетъ впечатлѣнія отъ поѣздки въ Россію; описываетъ, конечно, не русскихъ простыхъ людей и не русскую простую жизнь. Онъ говоритъ, какъ и подобаетъ, лишь о «вождяхъ», о «Сталинѣ и его великихъ сподвижникахъ». Они, и только они, обладаютъ всѣми гениальными свойствами и всѣми дарами духа: многомиллионный русский народъ только, подобно фигурантамъ, проходитъ «мощнымъ потокомъ», безымяннымъ и безликимъ, которому Романъ Ролланъ удѣляетъ слова одобренія за послушаніе. Весь русский народъ для него — только «рука», которая «повинуется одной головѣ: коммунистической партіи и совѣту народныхъ комиссаровъ», и онъ радуется, что «голова эта крѣпкая, и она крѣпко сидитъ на плечахъ». Ему не кажется удивительнымъ, что цѣлый народъ

превратился въ «руку», дѣло которой повинноваться крѣпко сидящимъ на его плечахъ. Если бы это было въ Европѣ, онъ, можетъ быть, и изумился бы, но вѣдь «славянская душа» все стерпитъ. Изображая французскую революцію, онъ, конечно, не считалъ бы народъ родившимся въстѣ съ карманолой. Но для русскаго народа, оказывающегося, всей его тысячелѣтней исторіи вообще не существовало: «Вотъ народъ, выросшій духовно, развившійся, обогороженный за 17 лѣтъ новой жизни, знаетъ, что онъ во всемъ обязанъ революціи, что не только онъ создалъ революцію, но и она создала его». Наилучшимъ выраженіемъ народной души онъ считаетъ официальные парады, хотя врядъ ли сталъ бы рѣшать вопросы французской, напимѣръ, жизни по параду 14 Іюля. Но въ Россіи онъ видѣлъ народъ только фигурантомъ на парадѣ, и отсюда вывелъ всѣ свои категорическія сужденія объ его нуждахъ и чаяніяхъ, считая, что понялъ «истинную природу этихъ людей и характерныя умонастроения». «Въ этомъ меня убѣдили торжественныя манифестаціи всего народа, счастливаго и сильнаго, какъ, напимѣръ, парадъ на Красной площади». Для толстовца и гандиста основывать пониманіе народа на военномъ парадѣ, конечно, странно, но Романъ Ролланъ особенно восхищенъ именно арміей, забывъ уже о своихъ прежнихъ восторгахъ передъ принципами Толстого и проповѣдью Ганди. Свои сужденія о Россіи онъ черпаетъ изъ впечатлѣній парада и изъ бесѣдъ съ «вождями». Впрочем, онъ получалъ и частныя письма, но не общается, какъ они ему передавались, и на какомъ языкѣ писались. Другу Сталина, го-стою «вождей», русский народъ, очевидно, только и могъ слать восторженные письма: попробовалъ бы кто написать другіе!.. И Романъ Ролланъ считаетъ эти письма единственными выраженіемъ национальных «умонастроений», стараясь, какъ будто, не замѣчать существованія смысла. Впрочем, Ягоду онъ находитъ схожимъ съ Жанъ-Жакомъ Руссо; онъ замѣтилъ у него «пламя идеализма, сентиментальнаго и утопическаго, въ духѣ Руссо», когда Ягода съ радостью и волненіемъ проповѣдника рассказывалъ о своей изумительной работѣ въ чекистскихъ тюрьмахъ.

Сравнивъ Руссо съ чекистомъ и востигая «изумительной работой» чекя, Романъ Ролланъ, конечно, побилъ рекордъ всѣхъ путешественниковъ.

Ю. Сазоновъ